

Неясно, что именно имел в виду один из авторов сборника, подчеркивая католицизм Софьи. Конечно, Софья (воспитание которой осуществлялось под наблюдением Виссариона Никейского), находясь под сильным влиянием католической церкви, была или казалась католичкой. Из письма Виссариона известно, что дети Фомы Палеолога должны были воспитываться строго в духе латинской веры, так как только при таком условии им была обеспечена поддержка папы. Хотя папа определенно рассчитывал на Софью в деле установления на Руси католической веры, все же подчеркивать „католицизм“ Софьи — русской великой княгини — не приходится. Достаточно вспомнить тот факт, что она и представители русского православного духовенства поставили в трудное положение прибывшего с ней кардинала, а также исход богословского спора между ним и духовными лицами русской церкви. Да и все дальнейшие события с полной очевидностью показали, что надежды папы на Софью не оправдались, и поэтому особо подчеркивать „католицизм“ Софьи бесцельно.

Неправильно также представление авторов сборника о взаимоотношениях между Русью и славянскими эмигрантами и о роли последних, в частности Киприана и Пахомия, в развитии русской культуры.

Действительно, сербские и болгарские эмигранты часто находили приют на Руси. Многие из них внесли свой положительный вклад в русскую культуру, осуществляя на деле ту культурную связь, которая вообще существовала между северо-восточными и юго-восточными славянами. Приписывать одним славянским эмигрантам, как это сделано в сборнике, возрождение русской культуры, значит не учитывать условий русской жизни, особенностей развития ее культуры. Возрождение литературы этого периода надо прежде всего приписывать общему подъему, начавшемуся в период после ослабления татарского ига, когда бурно развиваются живопись, архитектура и литература. История русской культуры неразрывно связана с историей Москвы, ставшей политическим и культурным центром формирующегося централизованного русского государства. Поэтому признавая тот вклад, который внесли в русскую культуру Киприан и Пахомий, нельзя только им одним приписывать возрождение национальной культуры целого народа. Таковы в основном те возражения, которые вызывают статьи рецензируемого сборника и отметить которые совершенно необходимо.

Е. Б. Веселаго

W. H. C. FRENDE. NORTH AFRICA AND EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES

(The Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series, vol. V, 1955, p. 61—80)

Статья В. Френдса (доклад, прочитанный им в английском Королевском историческом обществе) имеет своей целью выяснить некоторые причины, приведшие к ослаблению торговых связей между различными странами средиземноморского бассейна в VII—VIII вв. Автор поставил перед собой задачу внести уточнения и исправления в неоднократно высказывавшуюся точку зрения, согласно которой основным фактором, нарушившим регулярную торговлю на Средиземном море, явились подрывавшие ее действия арабского флота. В. Френдс приводит данные, показывающие, что ни политика арабских правителей, ни операции арабского флота не были специально направлены на разрушение торговых связей (стр. 62—63). Останавливаясь на причинах ослабления торговли между

Северной Африкой, с одной стороны, Византией и Западной Европой, — с другой, автор обращает главное внимание на изменения, происшедшие в связи с арабским завоеванием в экономике бывших африканских провинций Римской империи. Таким образом, рецензируемая статья по сути дела посвящена ряду проблем экономической истории Северной Африки в период Римской империи и раннего средневековья.

Этот историко-хозяйственный очерк, независимо от решения Френдом более общей проблемы торговых связей в период раннего средневековья, представляет значительный интерес. Среди обширной литературы по истории Северной Африки имеется немало работ, посвященных изучению экономики африканских провинций в римский период. Процессы дальнейшего социально-экономического развития этого района изучены в гораздо меньшей степени. Между тем выяснение природы хозяйственных сдвигов, связанных с „варварским“ завоеванием различных областей римского мира, представляется совершенно необходимым этапом в изучении проблемы перехода от античности к средневековью.

В. Френда интересует прежде всего судьба одной из основных отраслей африканского сельского хозяйства — производства оливкового масла, которое широко экспортировалось в римский и византийский периоды. В связи с этим он прослеживает историю возделывания оливок и судьбу занятых этим слоем земледельческого населения на протяжении длительного исторического периода со времен Ранней Римской империи.

Распространение культуры оливок в римской Африке Френд ставит в связь с переходом туземного населения значительных районов Северной Африки к занятию земледелием. Императорское правительство оказывало содействие этому процессу, предоставляя льготные условия аренды лицам, освоившим под оливки ранее пустовавшие государственные земли. В течение I—III вв. н. э. наблюдается рост числа земледельческих общин (*farming communties*), состоявших либо из колонов крупных императорских или сенаторских имений, либо из военных колонистов (*limitanei*).

Выводы Френда основаны на богатом археологическом материале. Научный аппарат статьи дает прекрасную сводку новейших археологических публикаций и работ, обобщающих данные археологии. Общие заключения автора относительно развития производства оливок в римской Африке представляются убедительными. Хотелось бы только отметить, что автор, на наш взгляд, несколько преувеличивает постоянный рост этого производства и степень „процветания“ африканской деревни (стр. 66—67). Нельзя не учитывать многочисленных данных III—V вв. об увеличении числа заброшенных и пустующих земель, против чего тщетно пыталось бороться императорское правительство. Жестокая эксплуатация колонов в период Поздней империи, обремененность различных слоев землевладельцев фискальными повинностями, очевидно, значительно тормозила развитие производства, порождала кризисные явления в экономике африканских провинций.

Переходя к изучению сельского хозяйства Северной Африки в период вандальского завоевания, Френд справедливо указывает, что в конечном счете завоевание не могло сказаться отрицательным образом на культивировании оливок и экспорте оливкового масла (стр. 69). Несмотря на упадок городов и изменения в структуре земельной собственности, оливковое масло продолжало производиться в мелких хозяйствах и вывозилось в Европу. О существовании в Вандальском королевстве мелких крестьянских хозяйств, культивировавших оливки, свидетельствуют привлекаемые Френдом данные так называемых Табличек

Альбертини (стр. 69—70). Следует отметить, однако, что два момента в интерпретации автором этого интересного источника по истории аграрных отношений вандалской Африки вызывают возражения. Говоря о „сравнительном процветании“ туземных земледельцев, фигурирующих в „Табличках Альбертини“, Френд упускает из виду, что эти земледельцы постепенно разорялись, а их участки присоединялись к имению крупного землевладельца¹. Далее, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации замечание Френда относительно того, что владельцы этих участков пользовались в вандалский период правами, вытекающими из *lex Manciana*.

Хорошо аргументирована та часть работы Френда, которая посвящена характеристике экономики Византийской Африки. На основании археологических данных, сообщений арабских историков и других источников автор показывает, что и в этот период имел место широкий вывоз африканского оливкового масла в Европу, приводивший к обогащению некоторых слоев местного населения (стр. 73—74).

Наибольший интерес в статье Френда представляет исследование вопроса о том влиянии, которое оказало на африканское сельское хозяйство и положение земледельческого населения арабское завоевание. Автор пытается выяснить причины постепенного превращения обширных земледельческих районов Северной Африки в пустынную зону кочевого скотоводства. Первостепенную роль в этом процессе он уделяет берберским племенам, которым арабское завоевание открыло широкий доступ в районы Нумидии, Бизацены и Триполитании, покрытые оливковыми плантациями. Берберы, вторгшиеся в пределы бывшей Византийской Африки в VII—VIII вв., были, как это убедительно доказывает Френд, кочевниками. Районы оливковых плантаций постепенно превращались в пастбища для скота (стр. 79). Сокращение африканского вывоза со времени арабского завоевания объясняется, таким образом, связанным с этим завоеванием упадком культуры оливок.

В статье Френда показано различие в политике, проводившейся по отношению к африканским областям римскими, византийскими и вандалскими властями, с одной стороны, и арабскими завоевателями, — с другой. Во время римского, а затем вандалского и византийского владычества Северная Африка служила важнейшим источником поступления земледельческих продуктов в Европу, поэтому до арабского завоевания ее правители поощряли земледелие и отстаивали земледельческие районы от натиска кочевых племен. Арабы же рассматривали Северную Африку главным образом как территорию, через которую проходили важные коммуникации, связывавшие Египет с Испанией (стр. 75). Поэтому они не ставили своей целью сохранение земледелия в завоеванных ими районах. Процесс вытеснения земледелия кочевым скотоводством происходил постепенно. В Нумидии еще в XI в., судя по данным одного арабского источника, наряду с многочисленными кочевыми племенами имелись отдельные поселения земледельцев и оливковые плантации (стр. 76).

Исследование Френда позволяет, на наш взгляд, в какой-то степени подойти к решению одного из важных вопросов истории Северной Африки — объяснению своеобразия ее исторической судьбы по сравнению с западноевропейскими областями римского мира. В Западной Европе „варварское“ завоевание привело к синтезу производственных отношений, сложившихся в Римской империи, с теми отношениями, которые принесли

¹ См. нашу статью в настоящем томе ВВ.

с собой народы-завоеватели, в результате чего постепенно складывался феодальный строй. В Северной Африке арабское завоевание привело в конечном счете к тому, что в ряде районов развитие феодальных отношений проходило в более примитивных формах, характеризующихся сохранением значительных пережитков первобытно-общинного строя. Это объясняется в значительной мере тем, что берберийские племена, натиск которых в VII—VIII вв. широкой волной захлестнул южную часть Византийской Африки, стояли на более низкой стадии общественного развития, чем германские и славянские племена Европы. Необходимо вместе с тем учитывать, как это справедливо подчеркивает Френд, что ирригация в этих районах Африки была необходимым условием развития земледелия (стр. 66). Возделывание такой культуры, как оливки, и управление системой ирригационных сооружений, несомненно, было трудным делом для кочевников-берберов, не имевших необходимых навыков. Это затрудняло их переход к земледелию.

Вопросы социально-экономического развития Северной Африки в первые века арабского завоевания, разумеется, нуждаются в дальнейшем детальном исследовании. Однако работу Френда можно рассматривать как определенный вклад в решение данной проблемы. Эта работа, несомненно, представляет интерес для любого исследования древней и средневековой истории Северной Африки.

Г. Г. Дилигенский

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В „ТРУДАХ“ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИКОВ В РИМЕ

Изучение истории Византии занимает большое место в исследованиях зарубежных историков. Интерес к событиям, развертывавшимся в восточной части бывшей Римской империи, отчетливо сказался в том, что на X Всемирном конгрессе историков, происходившем в Риме в сентябре 1955 г., были поставлены и включены в его „Труды“ доклады византиноведческого характера. Правда, авторы этих докладов сосредоточили свое внимание лишь на некоторых проблемах византийской истории, взяв один из ее аспектов, а именно: были подвергнуты рассмотрению вопросы, связанные с историей взаимоотношений Византии и Запада в раннее средневековье и во время крестовых походов. Но такое ограничение тематики докладов вполне правомерно, поскольку почти одновременно с Римским конгрессом, работа которого охватывала весьма широкий круг проблем всемирной истории, происходил специальный конгресс византинистов в Истамбуле¹.

Из докладов, затрагивающих в той или иной мере различные стороны западно-византийских отношений, наиболее обширным является выступление известного византиниста Франца Дэльгера (Федеративная Республика Германии) — „Византия и Запад до крестовых походов“².

Доклад Ф. Дэльгера посвящен рассмотрению взаимоотношений (точнее, взаимных влияний) Византии и Запада в предшествующее крестовым походам время (т. е. примерно с 330 по 1100 г.). Круг рассматриваемых

¹ См. ВВ, т. X, 1956, стр. 236—253.

² F. Dölger. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, vol. III, p. 67—112. (далее ссылки на страницы — в тексте).